

ИСТОРИЯ

УДК 069.61(1917/1920)

В.Г. Ананьев

«СТРОИТЕЛЬСТВО МУЗЕЕВ ДОЛЖНО БЫТЬ ОСНОВАНО НА НАУЧНОЙ БАЗЕ»: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МУЗЕЯ В РАНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.»).

Рассматривается один из ранних этапов обсуждения вопроса формирования новой концептуальной модели музея, а также соотношения базовых музеологических функций. На основании материалов из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, прежде не привлекавших внимания исследователей, автор показывает, как представители «компетентной силы» принимали взаимосвязь этих функций.

Ключевые слова: музей; музеология; революция; экскурсия.

Революционные события 1917 г. сказались на всех сторонах жизни России. Не могли остаться не затронутыми ими и музеи. Являясь подсистемой общей метасистемы культуры, музей как культурная форма неизбежно оказывается изоморфным этой общей метасистеме, с одной стороны отражая ее закономерности, с другой же – принимая участие в самом их формировании [1. С. 9–22]. В этой связи изменения в области музейного дела – как реализованные, так и оставшиеся на уровне проектов – могут быть весьма значимым маркером общекультурных интенций эпохи и источником для осмысления ее дискурсивных полей.

На первом крупном профессиональном форуме, прошедшем в условиях нового Советского государства – Первой всероссийской конференции по делам музеев, состоявшейся в Петрограде в феврале 1919 г., – в качестве одной из базовых характеристик актуальной ситуации был провозглашен принцип сотрудничества «политической власти и компетентной силы» [2]. Впоследствии рядом исследователей он был положен в основание одной из возможных периодизаций истории музейного дела России как такового [3. С. 30]. Вместе с тем конкретные формы такового сотрудничества и процесс переговоров между двумя сторонами этого симбиоза все еще изучены недостаточно хорошо. Представляется, что обращение к архивным материалам может позволить приблизиться к заполнению данной лакуны.

В данной статье на материалах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН мы постараемся показать, как происходила одна из таких встреч «политической власти и компетентной силы» и как шли их переговоры по одному из самых актуальных для музейного дела вопросов: вопросу о соотношении исследовательских и просветительских функций музея. В соответствии с уровнем развития самого музеологического знания, проходившего в это время период своего развития, который З. Странский определял как эмпирически-описательный [4; 5. С. 39–40], данная проблема рассматривалась не в плане анализа абстрактных парадигм, а через обращение к конкретным формам музейной работы, в которых обозначенные

выше функции и находили свое наиболее полное выражение. Таковыми формами были экспозиционная и экскурсионная деятельность, а также тесно связанная с ними проблема профессиональной подготовки музейных работников.

Непосредственным поводом для данного обсуждения стало постановление Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины от 2 августа 1920 г. об объединении «на научном принципе» Русского музея и Эрмитажа для создания «единого центрального художественно-исторического музея мирового искусства» [6. Л. 1]. Для подготовки проведения этого решения в жизнь была сформирована специальная комиссия, задачей которой было решить вопрос, «в какой степени было бы возможно выполнить эту задачу без существенного нарушения интересов обоих музеев и какие для этого надлежит принять меры» [6. Л. 1]. В состав комиссии вошли как представители «компетентной силы», музейные работники и ученые с дореволюционным опытом, сформировавшиеся в академической среде, так и носители «политической власти», отвечавшие за руководство музейным делом и охрану памятников в структурах нового Советского государства. К числу первых относились академики С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр, первый демократически избранный директор Эрмитажа С.Н. Тройницкий, директор Русского музея А.А. Миллер, хранитель Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН Л.Я. Штернберг. Вторые были представлены заведующим музейным Подотделом Петроградского отдела музеев и охраны памятников искусства и старины С.К. Исаковым, заведующим Петроградским отделением ИЗО Н.Н. Пуниным, председателем Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Г.С. Ятмановым и директором Музея Революции М.Б. Капланом. Всего с 7 по 23 августа 1920 г. состоялось пять заседаний этой комиссии. Председательствовал на всех член-корреспондент РАН, видный антиковед, профессор и в недавнем прошлом ректор Петроградского университета С.А. Жебелев. Очень скоро комиссия вышла за первоначально намеченные проблемные рамки и помимо возможного объединения Эрмитажа и Русского

музея начала обсуждать более общие проблемы музейного дела, что отразилось и в изменении ее наименования. Если в первом протоколе от 7 августа комиссия была обозначена как Комиссия по объединению Русского музея с вновь учреждаемым Музеем мирового искусства [6. Л. 1], то 11 августа ее наименование указано уже иначе – Комиссия по организации центральных музеев [6. Л. 3], а 13, 16 и 23 августа – Комиссия по объединению центральных музеев [6. Л. 6, 10, 12].

Сама по себе идея создания нескольких центральных музеев, каждый из которых был бы посвящен определенному разделу мировой культуры или искусства, вполне соответствовала мировоззренческим основаниям модерности, стремившейся внести упорядочивающую структуру научности в хаос жизни [7]. Показательно, что, докладывая об этом решении Коллегии Совету Эрмитажа 3 августа 1920 г., Тройницкий первым же пунктом отметил, что по мнению Коллегии, «Строительство музеев должно быть основано на научной базе» [8. С. 180]. Идеи такого рода (рассматривать все музейные коллекции как единый фонд для перераспределения на принципах научности) озвучивались уже на конференции 1919 г., были сформулированы в так называемой Московской декларации и оказали определенное влияние на дальнейшее развитие музейного дела России [9]. Возможно, одним из проявлений той же самой модернистской тенденции можно считать и создание Государственного музейного фонда [10]. В данном случае мы можем видеть своеобразное доведение этого принципа до абсурда, так как предполагается создание единого сверхмузея, объединяющего как культуру, так и искусство, как российские, так и зарубежные. С одной стороны, это отвечало заявленному размаху многих начинаний советской власти в области культуры, носивших глобальный характер почти вселенски-утопического масштаба. С другой стороны, объединение зарубежного и российского материала в рамках одного музея соответствовало интернациональному характеру большевистской идеологии, отрицавшему в первые полтора десятилетия после революции само право на артикуляцию национальной специфики. Искусство, как и революция, мыслились в этот период в первую очередь как феномены мировые, а не национальные. Конкретные шаги, необходимые для достижения заявленной цели, в указанной, как и в ряде других случаев, оставались не слишком хорошо продуманными и мыслившимися во многом в парадигме *ad hoc*. Тем важнее, что в этом глобальном размахе объединения внимание собравшихся привлекла одна конкретная проблема из области музейного дела, обсуждавшаяся на нескольких заседаниях комиссии и, следовательно, имевшая особое значение для музейного дела и шире – культуры – рассматриваемого периода.

Обратиться к обсуждению вопроса о взаимосвязи научной, просветительной и преподавательской деятельности музеев членов комиссии побудило то, что, по словам Миллера, прежде чем начинать объединение, следовало бы «выяснить какой фундамент надо закладывать» [6. Л. 5 об.] в основание будущего музея: будь то единый музей мировой

культуры или центральный этнографический музей. Впервые вопрос о взаимосвязи базовых музейных функций был поставлен на заседании 13 августа 1920 г. Направление обсуждению попытался задать председательствовавший Жебелев. Хотя и не имея практически никакого опыта музейной работы, он, тем не менее, в силу области своих научных интересов был тесно связан с изучением памятников материальной культуры Античности и довольно активно вовлечен в музейную жизнь Петрограда рубежа 1910–1920-х гг. [11].

Указывая на значимость направления научно-исследовательской деятельности музеев в сторону их большей систематичности, Жебелев подчеркивал, что в «1-ю очередь в музее должна быть научная деятельность, а просвещение, которое покоится на научной базе, само будет проистекать по различным радиусам» [6. Л. 6]. Преподавательская же работа в музеях не должна дублировать деятельность высших учебных заведений, но скорее быть сосредоточенной на преподавании техники музейного дела, инвентаризации, каталогизации и т.п. [6. Л. 6]. И если первые два пункта предложенной Жебелевым триады скольконибудь существенных дискуссий не вызвали, то третий был принят коллегами отнюдь не однозначно.

Принципиально иную точку зрения высказал по нему неприменный секретарь РАН Ольденбург, отметивший, что «музей не подходящее для того место, так как нельзя одних и тех же людей заставлять повторять одно и то же. Центр дела – в научной и образовательно-воспитательной части и корень его – в распределении музейного материала; многолетний опыт указывает на неправильное направление деятельности в этой области, так как в большей части музеев нет правильного разделения между научными и образовательными коллекциями; для научных работ само собой нужен весь материал, а для экспозиции нужна определенная часть, в определенной обстановке, что не производится ни у нас в России, ни за границей; за исключением небольшого числа заграничных музеев, в них не развита живая перемена в экспозиции» [6. Л. 6–7]. Тем самым на повестку дня был поставлен вопрос о внедрении на практике двучастного метода организации музейного материала, с конца XIX в. активно внедрявшегося в наиболее прогрессивных музеях Западной Европы и Северной Америки. Суть его заключалась в проведении определенного зонирования музейного пространства с выделением основной группы зал для широкой публики, в которой демонстрировался бы базовый нарратив музея (основная линия развития или эволюции того феномена, которому посвящен данный музей), и группы дополнительных зал для специалистов, в которой предлагалось бы более углубленное рассмотрение частей данного нарратива [12]. В этой связи Ольденбург утверждал: «В первую очередь надо обратить внимание, какие коллекции подлежат выставлению к научной обработке, а затем обсуждать вопрос о том, какие должны быть подходы для перемены выставочного материала, какие эволюционные задачи должны быть выявлены» [6. Л. 7].

Безусловно, одной из предпосылок внедрения подобного новшества на практике должно было стать наличие подготовленных музейных работников, которые могли способствовать научной постановке музейного дела. Сама идея специальной музейной профессии начала озвучиваться всего за несколько десятилетий до того; и к началу 1920-х гг. ни в России, ни за рубежом не существовало единства мнений относительно составляющих эту профессию компетенций или методов ее освоения. Как готовить будущего музейного работника и кем он должен быть – эти вопросы были тесно связаны с вопросами организации музея и взаимосвязи его функций [5. С. 174–193]. Вопрос подготовки музейных кадров затронул на заседании комиссии академик Марр, по словам которого, «В отношении же самого музейного деятеля нужно обязательно, чтобы он был в одно и то же время и практик и теоретик, что создает т. образом другой тип деятеля в этой области, чем было до сего времени» [6. Л. 7]. Следует подчеркнуть это внимание к соотношению практических и теоретических аспектов подготовки, и до сих пор не всегда признающееся релевантным для музееведческого образования, и бывшее определенно новаторским для своего времени. Так, показательно, что, например, директор Эрмитажа Тройницкий относительно того, должен ли музейный сотрудник быть теоретиком или практиком, заметил, что «это спорный вопрос, так как разница в этом отношении всегда будет и казалось бы, что музейный деятель больше практик, чем теоретик» [6. Л. 7 об.]. Вероятно, наиболее типичное для своего времени суждение по этому вопросу высказал Штернберг, заметивший, что «для начала необходимо усвоить общее образование в Университете, но на практике сделаться техником можно только в самом музее и в экспедициях» [6. Л. 7 об.]. В данном случае нельзя не отметить четкой корреляции такого подхода самих музейных деятелей с общими установками того этапа в развитии музеологии, который З. Странский определил как эмпирически-описательный. И для Тройницкого, и для Штернберга музейный работник – это в первую очередь специалист в области техники музейного дела, которая может быть освоена непосредственно в процессе работы.

Штернберг же заметил, что нельзя разделять научную и просветительную деятельность музея: «Необходимо иметь перед собой задачу равномерного распределения знаний как для образованной, так и для необразованной части общества и всем должен быть представлен, так сказать, один хлеб; построение музея на научной базе – это теоретическая часть здания, но необходимо, чтобы материал, выставляемый в музеях, сделался удобоусвояемым для широкой публики, чтобы он вызывал не пассивное, а активное к себе отношение» [6. Л. 7 об.]. При этом, однако, в его словах явно звучало стремление «избавить» музеи от той самой просветительской деятельности, перевода ее в сферу ответственности специализированных образовательных структур. В этом Штернберг апеллировал к зарубежному опыту: «за границей учителя, прежде чем вести экскурсию в музей, обязаны сами изучать выставляемый в музее материал; от музейных же дея-

телей нельзя требовать объяснений для публики; т. образом надо обязать педагогов подготавливаться к посещениям музеев, что уже является задачей отдела народного образования совместно с музейным отделом» [6. Л. 7 об.]. Поддержал он и мысль Ольденбурга о том, что «материал должен быть разделен на запасный и выставочный, но не один последний должен быть доступен для обозрения, а также и первый хотя бы для специалиста, что конечно на практике весьма затруднительно» [6. Л. 7 об. Л. 8]. Это направление, связанное с созданием доступных для специалистов открытых хранилищ, будет активно развиваться в 1920–1930-е гг., в частности усилиями Международного бюро музеев – первой в мире международной организации, посвященной проблемам музейного дела [12]. Согласился с этой точкой зрения и Миллер, уточнивший, однако, что «показательная часть не может служить только для просветительной цели <...> выставлению подлежат лишь предметы, которые прошли все стадии изучения, когда каждое сочетание предметов строго продумано» [6. Л. 8].

Резюмируя вышесказанное, Ольденбург выделил два центральных момента: 1) «выставочная часть должна быть построена на биологическом принципе, т.е. мы должны видеть предметы, как мы видим их в жизни, в этнобиологической обстановке»; 2) «резерв музея, его магазин должен быть в виде второго музея <...> Но так как музеи поставлены в необходимость строиться по одной программе, а в данное время по принципу территориальному, то необходимо, чтобы каждый музей имел еще и 3-й отдел, где устраивались бы переменные выставки, напр. письма, обуви, замка и пр. Каждая выставка должна быть описана, описания изданы; затем устраивается следующая очередная выставка». Идею подобных выставок поддержали Миллер, Жебелев и Тройницкий [6. Л. 8 об.].

Так как сама по себе проблема просветительской деятельности музеев вызывала существенные дискуссии, было решено посвятить ее обсуждению еще одно заседание. Встреча, назначенная на 20 августа, не состоялась из-за похорон академика А.А. Шахматова [6. Л. 11 об., 12]. Обсуждение вопроса прошло 23 августа. Фактически, как справедливо заметил С.К. Исаков, оно протекало по двум направлениям: одно было посвящено экспозиции, другое – технике экскурсионного дела [6. Л. 13].

Первым с сообщением о просветительной деятельности музея выступил Штернберг. Повторив то, что уже высказывалось им раньше по этому вопросу, он выдвинул новый тезис – «Все дело популяризации сводится к качеству путеводителей и объяснителей» [6. Л. 12], и попытался развить его, доказывая, что «не может быть двух экспозиций, а лишь одна для специалистов, и для интеллигентной публики, и для широких масс, но использование экспозиционного материала должно быть различно» [6. Л. 12]. В этом с ним был полностью солидарен Жебелев отметивший, что «необходима одна экспозиция и никакой специальной для экскурсий быть не может» [6. Л. 13].

Более компромиссную позицию по данному вопросу занял С.Ф. Ольденбург, указавший на то, что «в вопросах экспозиции должно быть взаимоотношение

между ученым и педагогическим персоналом (Музейный отдел), так же как и при составлении путеводителей» [6. Л. 12 об.]. Он подчеркнул, что «при составлении научной экспозиции есть ряд моментов, когда объяснители могут дать важные указания специалисту», однако «если специалист скажет, что то или иное не приемлемо, то, конечно, педагог должен уступить» [6. Л. 12 об.]. Директор Музея революции Каплан отметил, что зал экспозиции 1) должен «заключать последние выводы науки (научная догма), ее достижения, конечно имея в виду в данную минуту господствующее течение, с известными оговорками»; 2) «должен быть построен по признаку биологическому» [6. Л. 14]. Ольденбург повторил, что «идеалом экспозиции музейных собраний» является трехчленная схема: 1) основная научная выставка; 2) научные склады; 3) ряд изменяющихся выставок для специалистов и широких кругов населения [6. Л. 14]. Таким образом, хотя роль «объяснителей», т.е. экскурсоводов, и признавалась собравшимися значительной, она оказывалась подчиненной по отношению к роли «специалиста», т.е. хранителя, и если тот высказывался против какого-либо экспозиционного решения, «объяснитель» должен был «отступить». Естественно, что обсуждение вопроса не могло не привести к рассмотрению тесно связанной с ним проблемы экскурсионного дела, весьма активно развивавшегося в России рубежа XIX–XX вв.

Вопрос экскурсий как части просветительной работы затронул в своем выступлении Миллер, выделивший три их типа: 1) специальные вместе с лекциями; 2) групповые, т.е. экскурсии, которые обзрывают не весь музейный материал, а известные группы предметов; 3) общего характера, рассчитанные на первую ступень понимания. Руководство первыми двумя не должно лежать на музейном персонале, но он должен принимать участие в подготовке инструкторов [6. Л. 12 об.].

Жебелев привлек внимание к проблеме экскурсионных кадров, поставив вопрос о том, «каковы должны быть руководители экскурсий и где они должны получить свое образование» [6. Л. 13]. По его мнению, необходимо было «создать кадр специалистов, знакомых с требованиями педагогического и музейного характера», причем «организовать подготовку руководителей надлежит в музеях и поручить ее хранителям; по прохождении известного курса могут быть устраиваемы экзамены» [6. Л. 13], а поручать проведение экскурсий самим «музейным деятелям нельзя, так как труд этот ляжет на них непосильным бременем» [6. Л. 13]. Особенно сложной и актуальной проблема подготовки экскурсионных кадров была для провинции, где, по мнению членов комиссии, «руководитель должен быть энциклопедистом» [6. Л. 14]. С одной стороны, это соответствовало тенденциям времени, выразившимся в появлении целого ряда

институтов, направленных на подготовку экскурсионных работников. С другой стороны, стремление поручить подготовку экскурсоводов самим музейным хранителям вновь демонстрировало вторичность просветительской функции для участников обсуждения, имплицитно отрицавших какие бы то ни было ее специфические черты (в ней нет ничего, чего не знал бы хранитель, просветительской деятельностью не занятый).

Завершая заседание, председатель комиссии резюмировал: 1) в отношении экспозиций разногласий не имеется: «экспозиция должна быть построена на научных основаниях»; 2) в отношении каталогов – они должны быть четырех типов: а) научные для специалистов, б) для просвещенной публики, в) путеводители по отделениям, г) по всему музею, 3) в отношении экскурсий – «оставить это дело в руках Музейного Отдела, причем подготовка руководителей должна приобрести систематический научный и музейный характер; привлечь педагогов к этому делу желательно, но принудить их, конечно, нельзя» [6. Л. 14].

Следующее заседание было намечено на 28 августа. Но его протокола уже нет.

Как видим, начав с обсуждения конкретного вопроса, обозначенного новой властью, очень скоро комиссия перешла к рассмотрению более общих вопросов музейного дела. На нескольких своих заседаниях она обсуждала вопрос о соотношении базовых музейных функций: исследовательской и образовательной, причем этот вопрос рассматривался ею не в абстрактном измерении, а через конкретику музейной работы, в частности экспозиционную деятельность. Все собравшиеся признавали важность образовательной деятельности музея, но при этом признавали также и ее подчиненный исследовательской работе характер. Представители новой власти почти не участвовали в этой дискуссии, хотя активно высказывались и дискутировали по другим вопросам, например, по вопросу непосредственного объединения и перераспределения музейных коллекций. Сама работа комиссия вызывала у них если и не повышенный интерес, то определенное внимание. Показательно, например, что среди материалов Ленинградского отделения Государственного музейного фонда сохранились автограф и машинопись протокола первого заседания с рукописной пометой: «С.К. Исакову от Суслова» [13. Л. 139–142]. В целом характер обсуждавшихся вопросов и само содержание обсуждения демонстрируют, что российская музеология проходила в своем развитии в этот период эмпирически-описательный этап. Представители политической власти еще не вмешивались активно в разработку модели идеального музея. Для представителей же «компетентной силы» в качестве базовой музейной функции исследование было важнее, чем образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапанжа О.С. Основы музейной коммуникации. СПб., 2007. 116 с.
2. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 54. Оп. 1. Д. 228.
3. Музейное дело России / отв. ред. М.Е. Каулен. М., 2010. 676 с.
4. Stránský Z. Archeologie a muzeologie. Brno, 2005. 315 s.

5. Менш П. ван. К методологии музеологии. М., 2018. 448 с.
6. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8.
7. Хоффман Д.Л. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. 424 с.
8. Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2001. Ч. II. 1920–1926 годы. 880 с.
9. Сундиева А.А. История одной декларации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (1). С. 74–78.
10. Иванов Д.В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб., 2018. 207 с.
11. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Академик С.А. Жебелёв и Государственный Эрмитаж // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2018. Vol. 11, Is. 1. P. 43–70.
12. Ананьев В.Г., Фомкина М.И. Пространство художественных музеев в международных проектах 1920–1930-х гг.: теория практики в музеологической мысли межвоенного двадцатилетия // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 58–72.
13. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 36. Оп. 2. Д. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 февраля 2020 г.

“Museum Construction Should Be Science-Based”: On the History of the Conceptual Model of the Museum in the Early Soviet Period

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 133–137.

DOI: 10.17223/15617793/460/16

Vitaly G. Ananiev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.ananov@spbu.ru

Keywords: museum; museology; revolution; excursion.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00367.

The 1917 Revolution had a significant impact on all aspects of life in Russia. The museum field also experienced its influence. The new conceptual framework of culture determined the soon formation of a new conceptual model of the museum. Its final codification occurred after the First All-Russian Museum Congress in 1930. However, in order to better understand the specific features of this model, it is necessary to consider its prehistory. Such an understanding is the aim of this article. The author analyzes materials from the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, which has not previously attracted researchers' attention. He uses classical methods of source studies (textology and historical source criticism) and close reading as the main epistemological tool for research. These are materials from the commission established in August 1920 to prepare for the unification of the Hermitage and the Russian Museum into a single Museum of World Art and Culture. The new authorities made this decision on August 2, 1920. The commission included representatives of the academic world and representatives of the new government. The meeting was headed by S.A. Zhebelev, a prominent professor of ancient history. Very soon, the commission turned to the consideration of general issues of the museum. At several of its meetings, it discussed the question of the relationship between basic museological functions: research and education. This issue was not considered in the abstract dimension, but through the specifics of museum work, in particular, of exhibition activities. All the participants recognized the importance of the educational activities of the museum, but at the same time recognized these activities as subordinate to research work. Representatives of the new power almost did not participate in this discussion, although they actively expressed themselves and debated on other issues, for example, on the question of the direct merging and redistribution of museum collections. Another issue that arose in connection with the discussion of museum functions was the issue of training museum professionals. In general, the nature of the discussed issues and the very content of the discussion demonstrate that Russian museology passed through an empirically-descriptive stage in its development during this period. Representatives of the new government did not yet actively intervene in the development of the model of an ideal museum. For representatives of the academic community, research was more important than education as a basic museum function.

REFERENCES

1. Sapanzha, O.S. (2007) *Osnovy muzeynoy kommunikatsii* [Fundamentals of Museum Communication]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University.
2. Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund 54. List 1. File 228.
3. Kaulen, M.E. (ed.) (2010) *Muzeynoe delo Rossii* [Museology in Russia]. Moscow: VK.
4. Stránský, Z. (2005) *Archeologie a muzeologie*. Brno: Masarykova univerzita v Brně.
5. van Mensch, P. (2018) *K metodologii muzeologii* [Towards a Methodology of Museology]. Moscow: Perspektiva.
6. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. List 1 (1920). File 8.
7. Hoffman, D.L. (2018) *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm. 1914–1939* [Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939]. Translated from English. Moscow: NLO.
8. Hermitage. (2001) *Zhurnaly zasedaniy Soveta Ermitazha* [Journals of meetings of the Hermitage Council]. Pt. 2. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha.
9. Sundieva, A.A. (2007) A Declaration History. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 300 (1). pp. 74–78. (In Russian).
10. Ivanov, D.V. (2018) *Revolutsii i kolleksii: Petrogradskoe (Leningradskoe) otdelenie Gosudarstvennogo muzeynogo fonda i Muzey antropologii i etnografii* [Revolutions and collections: Petrograd (Leningrad) branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, RAS.
11. Anan'ev, V.G. & Bukharin, M.D. (2018) Academician S.A. Zhebelev and State Hermitage. *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 11 (1). pp. 43–70. (In Russian).
12. Anan'ev, V.G. & Fomkina, M.I. (2018) The space of art museums in international projects of 1920–1930: Praxis of Interbellum museology. *Che-lovek. Kul'tura. Obrazovanie – Human. Culture. Education*. 2 (28). pp. 58–72. (In Russian).
13. Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. Fund 36. List 2. File 6.

Received: 04 February 2020